

фрагменты прошлого

Дневник «государственного агента»,

в июне 1930 года встретившегося с М. А. Шолоховым

СОВЕРШЕННО случайно в вагоне метро Валентина Яковлевна Ф. увидела «Московскую правду» со статьей о Михаиле Шолохове. Ее внимание привлекли набранные крупным шрифтом слова, вынесенные в подзаголовок: «Происходит литературное творчество: у великого писателя отнимают великий роман...». Насколько возможно, когда газета находится в чужих руках, она попыталась прочитать текст. А потом попросила у пассажира номер газеты. Таким вот образом Валентина Яковлевна узнала, кто автор статьи, созвонилась со мной и предложила встретиться. Дома у нее, как она сказала, находится документ, имеющий отношение к теме статьи: дневник прокурора Курской области, хранившийся свыше полувека у ее ближайшей подруги, недавно умершей.

Подругу звали Розалия Владимировна Браудэ. Годы жизни: 1906—1982. Она была секретарем-машинисткой высокого класса, обслуживала министра. В юности работала по этой специальности в прокуратуре на юге России, где познакомилась на службе с прокурором Львом Алексеевичем Сидоренко. Он пылко влюбился в красивую девушку, будучи главой семейства, отцом детей.

Роман, по-видимому, оказался платоническим, выражался в словах, письмах, наконец, в дневнике, толстой тетради в черном коленчатом переплете.

Если бы это был обычный дневник влюбленного, Валентина Яковлевна не стала бы меня с ним знакомить. Но дело в том, что Лев Сидоренко в июне 1930 года побывал в станице Вешенской. Он отправился на Дон по служебной командировке для выступления на сходах, в исполкомах и т. д. Из Миллерово доехал до станицы Казанской. Здесь предстояла пересадка на пароход, плывший по Дону. В Казанской появилась первая запись в дневнике, датируемая 6 июня 1930 года. Рассказав подробно обо всем, что увидел и выяснил в пути, Лев Сидоренко пишет, обращаясь к возлюбленной:

«Узнал, что известный писатель Мих. Шолохов, написавший знаменитый роман «Тихий Дон», проживает в станице Вешенской, то есть там, куда я направляюсь на пароходе. Как это обрадовало меня!

Я читал этот роман еще в Ставрополе, запомним, прочел его и восхищался этим чудным художественным творчеством. Он выпущен в начале этого года и уже выдержал несколько изданий. Знайки художественной литературы утверждают, что «Тихий Дон» Шолохова — есть второе ценнейшее произведение после «Войны и мира» Льва Толстого. Я почти верю этому.

До сих пор об авторе «Тихого Дона» я знал только то, что это 25-летний юноша, едва окончивший гимназию. Он совсем не участвовал в войнах и революциях и так живо нарисовал картины войны. Я очень серьезно сомневался в том, что этот труд принадлежит ему, так как он ведь мало или почти совсем не знает жизни, не знает нравов и быта казачества и так ярко, так мастерски рисует его в романе.

Теперь вот я буду иметь возможность собственными глазами видеть все те же места (хутора и станицы), где происходило действие романа. Увижу героев и действующих лиц романа — они ведь не вымышленные, а живые лица, и многие из них живут еще и теперь. И уж непременно увижу автора Шолохова. Я побеседую с ним во что бы то ни стало. Говорят, что он только что вернулся из Москвы и теперь работает над окончанием «Тихого Дона» (до сего времени выпущено 2 книги, роман еще не закончен).

Как это будет интересно — непосредственно чувствовать такой великий, наблюдательный ум юноши. Скорей бы! Свою восторженность я высказал своему приятелю и тут же выговорил о нищете современной художественной литературы...»

Взяв в командировку общую тетрадь в колленчатом переплете, прокурор ежедневно заполнял ее страницы рассказами о том, что увидел в дороге, делился с возлюбленной переживаниями, воспоминаниями, анализировал свои чувства. Она вдохновляла его жить и писать это сочинение.

В центре титульного листа название сочинения:

«Десять дней на берегу Дона»
(5—15 июня 1930 года).

Цитирую дневник:

«11 июня, ст. Вешенская.
Наконец-то я посетил писателя Шолохова. Он живет на центральной улице, вблизи от соборной церкви, в собственном — одном из лучших в станице — доме. Когда я зашел во двор, моим глазам представились целые стаи домашней птицы — кур, гусей, уток, индеек. Весь двор заново оборудован служебными помещениями.

У коридора дома меня окружили четыре здоровенных породистых собаки рыжей масти. Они несколько не огорчались моим визитом и повиливали хвостами, обнюхивали полы моей шинели.

Первое, что я подумал при входе в коридор, — это: «Очевидно его хозяйство не признано явно кулацким и не претерпело раскулачивания».

Как-то, сверх ожиданий, я был совершенно спокоен и совсем не чувствовал обычной в таких случаях внутренней тревоги, смущения и даже страха предстать пред очи человека, который в десятки раз превосходит тебя по уму и общественному положению. Может быть, потому, что в этот момент все мое существо было захвачено одним только страстным желанием — скорее увидеть живого писателя и непосредственно чувствовать гениальность его ума.

Меня встретила болезненно-бледная женщина лет 25. Она молча установила на меня недоумевающими голубыми глазами и на мой вопрос: «Дома ли товарищ Шолохов?» — она вместо ответа через свое плечо певуче крикнула: «Миша, выйди», и сама задней постелью скрылась за дверью.

В ту же минуту в дверях появился он — этот самородок, даровитый мастер пера. «Ваш товарищ Шолохов?» — спросил я. «Да, он самый», — как-то просто ответил он.

«Я хотел бы поговорить с вами по некоторым частным вопросам. Вы уделите

для меня хоть несколько минут вашего времени?» «Пожалуйста, заходите». Он повел меня через столовую в свой рабочий кабинет, и я тем временем бегом рассматривал его внешность.

Это среднего роста человек, на вид лет 30 (это точно), крепкого телосложения. Одет он был в одной нательной сорочке, темно-синих брюках и сандалиях. Голова брита, и широкий лоб, не совсем удачной архитектуры, выпукло напущен на брови. Мелкая вкрадчивая поступь его походила сообразно мне расчетливости и осмотрительности характера.

Мы уселись у письменного стола, на котором в беспорядке были нагромождены разные книги, журналы, рукописи и всякие прочие атрибуты.

«Готов вас слушать», — проговорил он таким тоном, в котором сказывалась подчеркнутая самоуверенность.

«Я один из ваших читателей, — начал я, — один из тех, которые, оценив ваш труд, интересуются вами и как писателем, и как человеком».

«Собственно, о каком труде вы говорите?» — спросил писатель так, как будто бы он автор целой серии трудов.

В этот момент на его лице я заметил легкую улыбку самодовольства. «Я имею в виду роман «Тихий Дон». Мне хотелось бы знать, действительно ли те картины и действующие лица, которые изображены в первой книге романа, или они вымышлены подобно «Войне и миру» Толстого. Затем меня очень интересует вопрос — из каких источников вы собирали материалы для этого труда, и самое главное — это чем будет закончен этот роман?»

Когда я говорил, писатель, покуривая трубку, пристально всматривался в меня своими серыми открытыми глазами. Потом он, вместо ответов, тихо, почти шепотом, стал осажать меня своими вопросами:

«Как попали в Вешенскую? Кто вы и где работаете? Какое получили образование? Читаете ли литературу? Какого течения придерживаетесь в современной художественной литературе? И даже — сколько мне лет?»

Я отвечал на каждый вопрос с исчерпывающей подробностью, и когда на его вопрос о литературном чтении ответил, что большую склонность имею к футуризму, то он, как бы в подтверждение своих догадок, часто закивал головой.

Уже после десятиминутной нашей беседы писатель пригласил меня высвободиться из шинели, а сам надел пиджак и попросил подать нам чай. Беседа наша длилась около трех часов. С каждой минутой мы чувствовали себя и держали в отношениях друг к другу все проще и проще. Говорили все время о литературных трудах новых писателей, о литературных течениях. Его гибкий наблюдательный ум буквально поглощал меня, и, разумеется, я — ради тишины и приличия — больше молчал, чем говорил.

Оказывается, он начал писать с 16-летнего возраста, и до этого романа он имел уже несколько изданных мелких рассказов. «Тихий Дон» он пишет с 1926 года и думает закончить его к сентябрю месяцу. Недавно закончены снимки, и уже произведен монтаж кинофильма по роману «Тихий Дон». Он только на днях вернулся из Москвы, где участвовал в этой работе и делал надписи на киноленте. Скоро пойдет эта картина.

На мои вопросы он ответил, что места и лица в 1-й книге вымышлены им, но они являются настоящим отражением действительности, и кое-кто узнает себя на страницах этой книги. Материалы он собирал среди казачества — в хуторах и станицах. Приходилось месяцами проживать там. Вторая книга является сборником исторических материалов в художественной обработке.

Интересным местом нашей беседы был такой разговор. Я спросил его, как он смотрит на самоубийство поэтов Маяковского и Есенина. И он «мудро» ответил: «Я никак не смотрю, а только констатирую как совершившиеся факты». «Но на улицах существует мнение, что современные условия тяжели или почти невозможны для литературного творчества. Что писатели не находят тем для художественных трудов, что им нечего воспевать, что они выдыхаются и что якобы вообще наблюдается обмеление в писательских кругах», — стал пояснять я смысл своего вопроса.

«Да, такое мнение существует, и именно на улицах. Есть люди, — продолжал он, — которые имеют привычку вливаться со своими грязными сапогами в душу человека и хотят найти в ней объяснение тому или иному поступку этого человека. Для обывателя было бы легче всего объяснить эти два печальных факта обмелением, застоём и т. д. На самом деле лица для литератора и поэта в наше время сколько угодно, материалы для трудов валяются у нас под ногами».

Я не удовлетворился таким пояснением и заметил, что, как мне кажется, для поэта недостаточно только одного обилия материалов и тем. Очевидно, нужны условия, при которых поэт или художник был бы духовно захвачен содержанием своего труда, нужны какие-то движущие силы, иначе он может превратиться в простого ремесленника, и его песни будут звучать тоскливо, как у Есенина.

Писатель как бы заранее приготовленной фразой ответил: «Недостатка нет и в духовной пище. Писатель не может быть не потрясен, когда потрясена стихия».

Я как-то инстинктивно почувствовал неискренность в этом утверждении, и мне стало нехорошо. Я был уверен, что он подделывается и так говорит «с расчетом». Я знал, что эта последняя фраза у него приготовлена «на всякий случай». И он ничего другого не скажет, когда отвечает на вопрос коммуниста и государственного агента.

«Получник, и самый беспринципный», — мелькнуло у меня в голове. Я был готов уже вступить с ним в самую резкую полемику по этому вопросу. Меня волновала мысль — почему же до сих пор даже молодые, подобные ему художники и поэты в своем большинстве творят «романтики», сдобренные слюнявой мецанской сантиментальностью. Почему эти поэты, называющие себя «пролетарскими», не стыдятся заниматься космизмом и в такую эпоху все еще фанатично воспевают «луну, лазурное небо и звезды алые?». Почему они не хотят сложить песню, созвучную нашей эпохе...»

Для меня совершенно ясно, что эти «пролетарские поэты» живут не этим и творчество их движется совсем другим сознанием, другими силами. Они только полутучи, пристроившиеся к повозке революции. Многих из них надо просто гнать залпово от себя, как гонят паршивого пса, алкающего лива, которого наводит только жуть. Гнать и смотреть, как бы

они — убегая, чего не унесли с собой!

Но писатель, по-видимому, понял мое состояние или просто нашел «возможным» говорить со мною свободным языком. Он стал пояснять мне, что все современные поэты и писатели воспитаны старым литературным стилем, и поэтому получается так, что только редкий из них удачно попадает в такт современной жизни. Потом он пошел еще дальше и откровенно высказался, что общество требует от нас новых песен, но эти песни рождаются редко, как редко расцветают деревья в пустыне, лишенной влаги. Я его не совсем понял, но уже не добивался пояснений, т. к. он сам оставил эту тему.

«Я начинаю угадывать, что вы сами пишете», — внезапно сказал он. Я уверил его, что в своей жизни, кроме обвинительных актов, ничего никогда не писал, если не считать маленького дневника...

«Если в нем не заключены тайны, то я бы хотел просмотреть этот дневник».

Я совсем забыл, что в нем я писал свои подозрения насчет его авторства «Тихого Дона». Вспомнил об этом, когда уже вынимал дневник из портфеля, но уже махнул на это рукой, передав его на суд писателя.

Он сейчас же принялся читать его и цветным карандашом, полавившись ему в руки, делал на страницах дневника какие-то точки, ухмыляясь широкой улыбкой.

Я безразлично ожидал его приговора, но его улыбки меня беспокоили, так как я не знал их причин — насмешка это или интерес читателя.

Снова куча вопросов.

«Вы сказали, что окончили только сельскую школу?»

«Вы, кажется, сказали, что склонны к футуристическому течению литературы, а у вас везде скользит чистейший натурализм».

Я объяснил, что эти записки есть только регистрация впечатлений, и я никогда не посмею причислить себя к оформившимся литераторам.

«Нет, не скажите, у вас сильные художественные зачатки, вам надо только взяться за себя».

Дальше он наговорил мне, что надо бросать все и взяться за литературу, сначала хотя бы простым газетным фельетонистом, и что после 2—3-летней упорной работы над литературой я могу уже писать.

«А все-таки вам, влюбленному человеку, трудно будет быть объективным наблюдателем в литературном творчестве».

«Я на него и не покушаюсь», — ответил я.

Насчет моих сомнений по поводу его труда он заметил: «В этом вы не одиноки».

Разумеется, после беседы с ним у меня не осталось и тени от этих сомнений. Наоборот, я убедился, что это растет сильнейший писатель.

Когда я уже собирался уходить, он достал из шкафа две книги своего романа «Тихий Дон» и на обложке первой книги написал так: «Л. Сидоренко, будущему писателю от точно автора с пожеланием взять литературу за рога. М. Шолохов. 11.VI.30 г. Вешенская».

Я принял книги с благодарностью, но оправдать его надежды не обещал. Приглашал заходить еще к нему, причем оговорился, что через несколько дней едет в долгое путешествие по Союзу и, вероятно, совсем не вернется сюда. Обещал поддерживать связь.

Мне очень интересно беседовать с ним, вернее — слушать его, но что-то осталось в моей душе такое, которое помешает повторить этот визит. Конечно, я не зайду больше к нему. Пусть он едет себе «в далекое и долгое путешествие», он достоин этого удовольствия, а мы еще подучим себя грамоте, и начнем это с мягкого знака. Потом уже что-нибудь скажем о себе.

Подарок Шолохова... как-то дозволяет над моим сознанием. Я ведь никогда не смогу оправдать тех надежд, которые выражены в надписи писателя.

У меня даже мелькнула мысль переписать эти книги Р... с условием, чтобы она подальше спрятала их и только тогда показала мне, когда я на самом деле уцеплюсь за бодливые рога литературы».

На этом заканчивается запись 11 июня 1930 года.

Такая вот встреча произошла в Вешенской, в доме Михаила Шолохова. Легко заметить: функционирующий прокурор, намеревавшийся было задавать вопросы, вести, так сказать, расследование, с первых же минут поддается воле молодого Шолохова, и сам начинает отвечать на все его вопросы, исповедуется. Более того, отдает ему в руки собственное «вещественное доказательство», интимный дневник, где выражались явные сомнения в авторстве писателя.

Прокурор исполнил свое желание. Он не только встретился с писателем, но и получил в подарок два тома с автографом от «точно автора». Мало кто из современников удостоивался подлинного внимания Шолохова, возможности говорить с ним на столь деликатную тему, как платит. После встречи прокурор больше несколько не сомневался в авторстве писателя. Но и желания встретиться с ним еще раз больше не испытывал! Он честно признается: «что-то осталось в моей душе такое, которое помешает повторить этот визит. Конечно, я не зайду больше к нему...».

И не зашел, хотя такая возможность представлялась вскоре.

«На телеграфе встретил Шолохова, — читаем мы запись в дневнике от 14 июня, — приглашал зайти к нему побеседовать. Отговорился отъездом».

Что же было «такого», что помешало повторить визит? По-видимому, прокурор почувствовал, что не в силах будет второй раз выдержать интеллектуальный поединок с Шолоховым.

Дыхание гения с близкого расстояния обожгло. Он испытал на себе подавляющее превосходство «великого, наблюдательного ума» и не захотел больше повторять нагрузку на психику.

Что было дальше, после командировки? Прочитав дневник, Роза Браудэ спешно покинула прокуратуру, где служил Лев Сидоренко, уехала в другой город, не оставив адреса, последовав принципу: «С глаз долой — из сердца вон».

Через восемь лет они случайно столкнулись в Москве, на улице. Лев Алексеевич, несказанно обрадовавшийся нечаянной встрече, рассказал, что окончил академию, стал прокурором Курской области, его избрали депутатом, звал в Курск... То было в 1938 году.

Вскоре «государственный агент» погиб, прокрученный через сталинскую мясорубку.

Лев КОЛОДНЫЙ.